

КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС АНГЛИИ В КНИГЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

Комплексно рассмотрен образ Англии в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» в соответствии с принципами моделирования образа географического пространства в литературе, главным образом, с позиций имагологической концепции Г.Д. Гачева, описывающего национальные образы мира с помощью трехсоставного термина «Космо-Психо-Логос». Показано, что Англия представлена специальной системой образов, которые, дополняя друг друга, складываются в единую картину английского Космо-Психо-Логоса, воплотившую целостное гончаровское представление об английском мире.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Фрегат “Паллада”»; Г.Д. Гачев; образ Англии; Космо-Психо-Логос; имагология.

Актуальность исследования обусловлена современной проблематикой диалога культур и русско-английской межкультурной коммуникации. В указанный процесс внес значительный вклад и И.А. Гончаров своим произведением «Фрегат “Паллада”», создав в нем целостный и многоаспектный образ Англии. В книге Гончарова развернут субъективный, оригинальный и в то же время очень многосоставный образ Англии, что обусловило выбор методологии данного исследования: объемность и полнота гончаровского образа Англии обусловила необходимость использования в данном исследовании триединого термина Г.Д. Гачева «Космо-Психо-Логос».

На сегодняшний день в литературоведческих исследованиях, посвященных «Фрегату “Паллада”», отсутствует анализ образа Англии во всей его целостности и полноте. Такие известные гончароведы, как Н.К. Пиксанов [1], Е.А. Краснощеклова [2] и В.А. Недзвецкий [3], указывали на особенности гончаровского восприятия Англии во «Фрегате “Паллада”»; однако объектом их внимания, как правило, были лишь отдельные аспекты английской действительности. Цель данного исследования – реконструировать целостный образ Англии во «Фрегате “Паллада”», состоящий из множества различных элементов.

Традиция осмыслять и создавать особый образ географического пространства, наделяя его теми или иными чертами и качествами, является неотъемлемым свойством творческого сознания авторов путешествий. Безусловно, посещение нового географического и незнакомого культурного пространства писателем-путешественником влечет за собой потребность смоделировать собственный субъективный образ данного пространства и донести этот образ до читателя. Как указывает Д.Н. Замятин, реальное географическое пространство в художественном произведении претерпевает существенные трансформации: «В данном случае уместно говорить об автономном существовании географических образов, которые как бы живут и развиваются внутри художественных произведений по собственным законам» [4]. Е.Г. Милюгина и М.В. Строганов, в свою очередь, предлагают представлять «текстуализацию пространства» как специфическую форму «репрезентации культурной и локальной идентичности» [5. С. 9–10].

Причем, с точки зрения М. Фуко, представления о географическом пространстве тесно связаны с понятиями государства как общего и городов в нем как частного пространства. Философ считает, что города

организуют государственное пространство, а само «государство подобно большому городу» [6. С. 217]. Соответственно, при создании художественного образа определенной страны ее города, как правило, рассматриваются авторами путешествий как ее неотъемлемые части. Так, например, В.Н. Топоров [7] и Н.Е. Меднис [8] в своих работах на материале художественных текстов исследуют, как создаются и функционируют образы Санкт-Петербурга и Венеции в русской литературе.

Каждый народ осознает свое национальное своеобразие и формирует собственную национальную картину мира. Соответственно, представители одного народа, узнавая и оценивая представителей другого, постигая его быт, культуру, традиции и обычаи, формируют собственное видение «чужого» мира. Таким образом, «<...> при описании пространства реализуются все краеугольные мыслительные оппозиции человека, в том числе и столь важная для мышления оппозиция, как свое / чужое» [5. С. 10]. При этом категория «свое» непременно выступает как мера понимания и оценки категории «чужого».

Для обозначения «своего» родного пространства, защищенного от враждебных сил, всецело принадлежащего человеку, в котором он чувствует себя счастливым, Гастон Башляр в своей работе [9] вводит термин «топофилия». По мнению исследователя, «этим пространствам всегда воздается хвала – при всем различии причин, при всем многообразии поэтических оттенков» [Там же. С. 22]. Присущая «своему» пространству реальная охранная ценность дополняется воображаемыми ценностями, и в результате они становятся первичными. Такое пространство не может оставлять человека равнодушным, не вызывать в нем эмоций и, соответственно, осмысливаться объективно. Оно становится пространством «переживаемым». И «переживается оно не в силу его объективных качеств, но со всей пристрастностью, на какую способно воображение» [Там же. С. 23]. Таким образом, притягательность «своего» пространства всегда обусловлена субъективностью его оценки. Помимо образа счастливого пространства исследователь выделяет противоположный ему образ враждебного пространства ненависти и борьбы, которому также свойственна субъективная интерпретация.

По мнению Г.Д. Гачева, «каждая национальная целостность: народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей», которую он обозначает емким и содержательным, на наш

взгляд, термином «Космо-Психо-Логос» [10. С. 9]. Данное понятие представляет собой триединство для каждой нации Космо – тела, местной природы, Психо – души народа, национального характера и Логоса – духа, языка и логики. Соответственно, именно совокупный анализ географических и климатических условий местной природы, психологии и национального характера проживающего здесь народа, его языка и склада мышления позволяет автору литературного путешествия представить в своем произведении целостный и гармоничный образ «чужой» страны, поскольку, наряду с физическим перемещением в чужое пространство, писатель совершает и духовное погружение в чужой национальный склад мышления и бытие.

Изначально подход Гончарова к описанию Англии был обусловлен как сложившейся в момент его путешествия геополитической ситуацией, так и его личными обстоятельствами.

Как известно, Гончаров путешествовал как секретарь адмирала Е.В. Путягина. Дипломатическая экспедиция адмирала Е.В. Путягина в Японию на фрегате «Паллада» (1852–1854) началась осенью 1852 г. накануне тяжелейшей для России Крымской (Восточной) войны (1853–1856 гг.). В этой войне Великобритания входила в военную коалицию с Францией, Османской империей и Сардинским королевством и воевала против России. Российская империя потерпела поражение от союзников и по Парижскому мирному договору лишилась части территорий. Безусловно, Гончаров, около 20 лет являясь чиновником департамента внешней торговли министерства финансов, наблюдал и осмысливал многие политические, социальные и экономические процессы, происходившие в России и мире. Так, в своем письме к Е.П. и Н.А. Майковым от 15/27 сентября 1853 г. Гончаров пишет о вероятности войны с англичанами и английского плена: «Если правда, что в Европе война, то нам придется тоже уходить на время отсюда или в Ситху или в Калифорнию, иначе англичане, пожалуй, возьмут нас живьем. А у нас поговаривают, что живьем не отдадутся, – и если нужно, то будут биться, слышь, до последней капли крови» [11. С. 678–679]. Из личных писем Гончарова очевидно, что текущие политические события и роль России в мировой политике живо обсуждались автором с друзьями: «Я так живо сочувствую тому, что движет Вас и всю Русь в настоящее время, что прощаю Вам, друг мой Евгения Петровна, письмо ваше, наполненное политическими новостями» [Там же. С. 712]. Несомненно, данные события и внешнеполитические обстоятельства, роль Англии как соперницы России на мировой арене в XIX в. в целом, а также участие Англии в Крымской войне против России в частности не могли не оказать влияния на формирование образа Англии у Гончарова.

По поводу личных обстоятельств, влияющих на авторское отношение к описываемым объектам и событиям, абсолютно верной нам представляется мысль Э. Саида, утверждающего, о чем бы автор ни писал, на содержание всегда влияют личные обстоятельства, при которых создается произведение, и, соответственно, авторское видение и оценки в тексте

всегда субъективны: «Everything one does is constrained by physical circumstance. <...> We are not disembodied brains or poetry machines. We are involved in circumstances of physical existence <...>» [12. P. 81] («Все, что совершает человек, обусловлено внешними обстоятельствами. <...> Мы не бездушные существа и не машины, создающие поэтические произведения. Мы вовлечены в обстоятельства физического существования <...>» (перевод мой. – С.К.)).

Одним из очевидных личных обстоятельств Гончарова в начале путешествия стало резкое ухудшение самочувствия, вызванное новым, непривычным распорядком жизни на корабле и отсутствием покоя и комфорта, а также трудностями и опасностями морского плавания: «<...> хандра последовала за мной и сюда, на фрегат; потом новость быта, лиц – потом отсутствие покоя и некоторых удобств, к которым привык, – все это пока обращает путешествие в маленькую пытку <...>» [11. С. 618]. Непредвиденная задержка фрегата для ремонтных работ на два месяца в Англии стала причиной изменения всего маршрута экспедиции и вынужденного бездействия Гончарова в это время. В письмах к друзьям он неоднократно жалуется на скуку от своего пребывания в Англии.

Главным при описании английского Космоса у Гончарова стал образ моря, окружающего Англию с четырех сторон. Гончаров отмечает особое место темы и образа моря в английском менталитете: «У англичан море – их почва: им не по чем ходить больше. Оттого в английском обществе есть множество женщин, которые бывали во всех пяти частях света. Некоторые постоянно живут в Индии и приезжают видеться с родными в Лондон, как у нас из Тамбова в Москву» [13. Т. 1. С. 19]. Описывая английские пейзажи, Гончаров отводит в них морю центральное место: «<...> мы в Англии <...>. Берег верстах в трех; впереди ныряет в волнах низенькая портсмутская стена, сбоку у ней тянется песчаная мель, сзади нас зеленеет Вайт, а затем всё море с сотней разбросанных по неизмеримому рейду кораблей <...> [Там же. С. 54]. Даже в городских зарисовках (например, описание английского города Портсмут) Гончаров выводит море и свойственную ему атрибутику на центральный план: «Море, матросы, корабли и адмиралтейство сообщают городу свой особый отпечаток, такой же, как у нас в Кронштадте, только побольше, полуднее» [Там же. С. 58].

Англия в целом, как географическое пространство, представлена Гончаровым в двух противоположных ипостасях: колония и метрополия. Английская метрополия описана, главным образом, как два английских города: Лондон и, в меньшей степени, Портсмут. Портсмуту автор уделяет меньше внимания, давая ему краткие характеристики и уподобляя Лондону. Лондон же, являясь одним из центральных элементов образа Англии, получает развернутые и содержательные авторские оценки и характеристики. Образ английской колонии лейтмотивом проходит практически через всю сюжетную канву «Фрегата “Паллада”», начиная с Африки и заканчивая Азией.

В представлении многих исследователей английский Космос определяется доминантами воды и дыма, это сырой космос угля, пара и тумана. Так, по мнению

Г.Д. Гачева, «<...> Сыр космос Англии, тут фог и смог <...>» [14. С. 167]. У Гончарова похоже видение Космоса Англии, ему она предстает исключительно в темных, серых тонах, сырая, затуманенная, задымленная, закопченная: «Облако английского тумана, пропитанное паром и дымом каменного угля <...>» [13. Т. 1. С. 61]. Английский колорит у Гончарова – колорит «дыма, угля, пара и копоты» [Там же. С. 60]. Главный город Англии Лондон в изображении Гончарова также окутан туманом, паром, темнотой, освещен искусственным газовым освещением, он грязен и неприветлив: «Туманы бывают если не каждый день, то через день непременно; <...> я <...> два раза ходил смотреть Темзу и оба раза видел только непроницаемый пар. Я отчаялся уже и видеть реку, но дохнул ветерок, и Темза явилась во всем своем некрасивом наряде, обстроенная кирпичными неопрятными зданиями, задавленная судами» [Там же. С. 39].

Одним из важных образов в произведении, раскрывающим читателю английский Космос, стала в природе Англии. Г.Д. Гачев определяет природу Англии как «self-made nature», т.е. «природа самосделанная, рукотворная». Естественность и непринужденность английской природы «в высшей степени продуманы, и есть та Природа, что дозволена человеческой свободой» [14. С. 171]. В представлении Гончарова также природа Англии полностью подчинена человеку, лишена естественности и первозданности: «Про природу Англии я ничего не говорю: какая там природа! ее нет, она возделана до того, что всё растет и живет по программе. Люди овладели ею и сглаживают ее вольные следы» [13. Т. 1. С. 49]. Сравнивая аккуратные, ровные поля Англии с разнородными страницами тетради, автор подчеркивает первостепенную роль человека, главенствующего над английской природой.

Космос английской колонии в описании автора во многом похож на метрополию: здесь то же расположение улиц, дома в английском стиле. Колониальный город в представлении автора чист и аккуратен, но скучен и уныл: «<...> город выстроен весьма правильно и чистота в нем доведена до педантизма. На улице не увидишь ничего лишнего, брошенного» [Там же. С. 217]. Английские колонии в целом навевают на автора ту же скуку и уныние, как и сама Англия.

Говоря о Психе англичан, Г.Д. Гачев [10] выделяет два главных образа англичанина: джентльмен и моряк. Во «Фрегате “Паллада”» образ англичанина представлен гораздо шире: джентльмен, мореплаватель, леди, офицер, миссионер и купец-колонизатор. При этом Гончаров гармонично формирует из отдельных английских персонажей и типов собирательный образ английской нации и общества в целом.

Гончаров действительно стремится к описанию английского Психа, поскольку подробно изображает английские нравы и обычаи. Он пытается описать их объективно, отмечая как положительные, так и отрицательные стороны; в то же время субъективное авторское отношение к англичанам очевидно. В письме к А.С. Норову от 20 сентября / 2 октября 1853 г. Гончаров показательно отмечает: «Я не англоман, но не могу, иногда даже нехотя, не отдать им справедливости» [11. С. 681].

Гончаров постоянно сравнивает англичан с другими народами, и нередко такое сравнение оказывается в пользу представителей английской нации: «Англичане учтивы до чувства гуманности, то есть учтивы настолько, насколько в этом действительно настоят надобность, но не суетливы и особенно не нахальны, как французы. <...> Есть тут своя хорошая и дурная сторона, но, кажется, больше хорошей» [13. Т. 1. С. 49]. В национальном характере англичан Гончаров выделяет такие черты, как рациональность, опрятность, уважение к обществу, безупречная вежливость. Своеобразно и емко Гончаров обозначил английскую рациональность и уважение к обществу собирательным образом английской «разумной толпы».

В то же время при описании английских нравов и обычаев Гончаров зачастую прибегает к иронии, используя стилистические приемы гиперболы и зоологические ассоциации: «<...> мне <...> нравится простоять целый час на перекрестке и смотреть, как встретятся два англичанина, сначала попробуют *оторвать друг у друга руку*, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия; смотреть их походку или какую-то *инходь*, и эту важность до комизма на лице, выражение глубокого уважения к самому себе, некоторого презрения или, по крайней мере, холодности к другому, но благоговения к толпе, то есть к обществу» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – С.К.) [Там же. С. 41].

Показательно, что английскую фауну Гончаров наделяет большей степенью рациональности и разума, чем опускающегося до животных инстинктов англичанина: «<...> в животных стремление к исполнению своего назначения простерто, кажется, до разумного сознания, а в людях, напротив, низведено до степени животного инстинкта» [Там же. С. 50].

Торговую деятельность англичан Гончаров описывает также с помощью зоологического эпитета «*скотолобивый*»: «Бесстыдство этого скотолобивого народа <...>» [Там же. С. 432].

Изображая английских леди и джентльменов, автор акцентирует внимание на английском типе красоты: «Едва ли в другом народе разлито столько красоты в массе, как в Англии» [Там же. С. 52]. Но здесь же писатель подчеркивает некую искусственную правильность такой красоты, с его точки зрения, в ней природной живости, индивидуальности, одинаковая красота свойственна всей нации. Кроме того, в Англии красота является предметом торговли, а ее обладатели вступают в товарно-денежные отношения: «<...> красота – капитал. Ей очень практически делают верную оценку и найдут надлежащее приспособление» [Там же].

Более того, при описании британского типа красоты вновь используются зоологические сравнения. Так, английские леди сравниваются с различными животными и птицами, а также с неодушевленными предметами. Английские леди в произведении характеризуются как красивые, гордые, обладающие чувством собственного достоинства, но в то же время чопорные, ограниченные, презрительные к окружающим.

В целом англичане в авторском понимании, наделенные внешней красотой, уподобляются животным,

соответственно, лишены красоты внутренней, духовной.

Важное место при изображении английских обычаев у Гончарова занимает английский обед. Представляется, что автор не случайно уделяет так много внимания обеду как акту приема пищи, неоднократно описывая большое количество блюд и напитков, последовательность их смены, тонко иронизируя над английскими гастрономическими порядками, поскольку, как уже было указано выше, материальная, физическая сторона жизни английского общества в его восприятии превалирует над духовной. В авторском видении англичанам свойствен особый культ еды, это выражается в сравнении завтрака с важным жизненным событием: «В отеле в час зазвонили завтракать. Опять разыгрался один из существенных актов дня и жизни» [13. Т. 1. С. 147]. Гончаров также отмечает у англичан умаление функции обеда как церемонии, для них важнее насытить свои «железные» желудки: «А собственно англичане не обедают, они едят» [Там же. С. 45]. Таким образом, автор демонстрирует собственное видение упрощенного отношения англичан к еде, которая является для них лишь средством насыщения, отмечая также неприязнательность и нетребовательность англичан к пище. Сравнение вкуса английского чая с микстурой и вареной капустой, а кровати – с катафалком, демонстрирует гончаровское ироничное отношение к английскому быту. Представляется, что в таких, казалось бы, незначительных деталях ярко проявляется истинное авторское отношение ко всему английскому, раскрывается образ «гончаровской» Англии.

Описывая духовную сторону жизни англичан, Гончаров также неоднократно подчеркивает, что в английской ментальности присутствует мощное технократическое начало: «Всё бы это было очень хорошо, то есть эта практичность, но, к сожалению, тут есть своя неприятная сторона: не только общественная деятельность, но и вся жизнь всех и каждого сложилась и действует очень практически, как машина» [Там же. С. 50]. Техницизм и изобретательность, характерные для английской ментальности, отмечены также и Г.Д. Гачевым: «Англия – страна опыта и техники» [10. С. 432]. Опыт, эмпирический способ добычи знания, поставлен во главу угла, поэтому изобретательность и интерес к техническим новинкам – неотъемлемые свойства англичанина. Отмечено это свойство английской ментальности и у Гончарова: «Замечу, между прочим, что всё здесь стремится к тому, чтоб устроить образ жизни как можно проще, удобнее и комфортабельнее. Сколько выдумок для этого, сколько потрачено гения изобретательности на машинки, пружинки, таблицы и другие остроумные способы, чтоб человеку было просто и хорошо жить!» [13. С. 60].

Гончаров описывает будильники, счетные и умывальные машинки... Различные устройства и механизмы, изобретенные исключительно для удобства и комфорта, постоянно окружают англичанина, вся жизнь превращается в хорошо отлаженный механизм, в результате чего и сам человек становится бездушной машиной. Авторское сравнение англичанина с машиной создает у читателя впечатление о нем как о

неодушевленном механизме: «Новейший англичанин не должен просыпаться сам; еще хуже, если его будит слуга: это варварство, отсталость, и притом слуги дороги в Лондоне. Он просыпается по будильнику. Умывшись посредством машинки и надев вымытое паром белье, он садится к столу, кладет ноги в назначенный для того ящик, обитый мехом, и готовит себе, с помощью пара же, в три секунды бифштекс или котлету и заливает чаем, потом принимается за газету. <...> Кончив завтрак, он по одной таблице припоминает, какое число и какой день сегодня, справляется, что делать, берет машинку, которая сама делает выкладки: припоминать и считать в голове неудобно. Потом идет со двора. Я не упоминаю о том, что двери перед ним открываются и затворяются взад и вперед почти сами. <...> После того <...> снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать. *Вся машина засыпает*» [13. Т. 1. С. 60–61].

В этом контексте автор даже такие общие гуманистические категории, как «жизнь», «честность», «справедливость», «сострадание», «добродетель», опредмечивает, доводя сугубо духовные понятия до уровня материального: «Незаметно, чтоб общественные и частные добродетели свободно истекали из светлого человеческого начала <...> Эти добродетели приложены там, где их нужно, и вертятся, как колеса, оттого они лишены теплоты и прелести» [Там же. С. 50]. Описывая добродетели английского общества, Гончаров прибегает к приему семантической градации: «Филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но целые страны под английским управлением» [Там же. С. 51]. Вся жизнь общества в Англии уподобляется неодушевленному механизму, и, соответственно, даже «механическая» добродетель получает авторские субъективные коннотации неодушевленности, механистичности. Более того, когда дело касается гуманности, английское общество и нация противопоставляются отдельному человеку и его внутреннему миру: «<...> Добродетель лишена своих лучей; она принадлежит обществу, нации, а не человеку, не сердцу. Оттого, правда, вся *машина* общественной деятельности движется непогрешительно <...>» [Там же].

Наконец, главенствующее место в ментальности английской нации в представлении Гончарова занимает торговая деятельность: «Бесстыдство этого сколотобивого народа доходит до какого-то героизма, чуть дело коснется до сбыта товара, какой бы он ни был, хоть яд!» [13. Т. 2. С. 432]. В сущности, такова авторская основная особенность английского Психо: англичане – торговая нация.

Авторское понимание жизни английского общества как торговли проявилось, прежде всего, в развернутом описании Лондона: «Между тем общее впечатление, какое производит наружный вид Лондона, с циркуляцией народонаселения, странно: там до двух миллионов жителей, центр всемирной торговли, а чего бы вы думали не заметно? – жизни, то есть ее бурного брожения. Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле» [Так же. Т. 1. С. 48].

Образ Лондона как столицы и одновременно центра торговли в Англии занимает важное место в системе образов произведения. С помощью приема олицетворения Гончаров сравнивает Лондон с живым существом, которому, как и населяющему его англичанину, присущи сдержанность, рациональность, уважение к общественным приличиям: «Город, как живое существо, кажется, сдерживает свое дыхание и биение пульса. Нет ни напрасного крика, ни лишнего движения, а уж о пении, о прыжке, о шалости и между детьми мало слышно. Кажется, всё рассчитано, взвешено и оценено, как будто и с голоса, и с мимики берут тоже пошину, как с окон, с колесных шин» [13. Т. 1. С. 48]. Лондон в вечернее время, когда сгущается темнота и отсутствие видимости усиливает ощущение чуждости и враждебности незнакомого пространства, представляется Гончарову тюрьмой, ограничивающей человеческую свободу и желания.

Однако наряду с внешней неприглядностью, это всемирный центр торговли, которому свойственна кипучая деятельность. Рисуя образ Лондона, автор вновь прибегает к приему зоологического сравнения, представляя город муравейником, а его население – муравьями. В целом, по мысли автора, у англичан нет истинной свободы, они живут и действуют в соответствии с общепринятыми правилами и общественным укладом, подчиненном торговле и интересам материального прогресса.

Поскольку Гончаров считает Англию «всемирным рынком», а англичан «торговой нацией», то важное место в произведении занимают английские колонии и образ английского купца-колонизатора. Все путешествие Гончарова, по сути, является «путешествием русского в мир англичан», и он объективно отмечает сложившееся положение вещей – безусловное мировое превосходство Британской державы. «The sense that he is setting out to a world created, owned, and maintained, essentially, by England is evident in the images of Englishmen that persistently dot the Goncharov's landscape» («Чувство, что он отправляется в мир, фактически созданный, хранимый и управляемый Англией, очевидно в образах англичан, которые постоянно встречаются Гончарову в его путешествии» (перевод мой. – С.К.)) [15. Р. 25]. Сам фрегат «Паллада», мощное судно в ореоле былой славы, но постепенно дряхлеющее и разваливающееся, является символом существующего мирового порядка того времени и положения России, конкурирующей с Британской империей за главенствующее положение в мире.

Наблюдая и размышляя во время путешествия над мировой жизнью, Гончаров приходит к важному выводу: «...хозяин исторической сцены – капиталист» [1. С. 29]. Этот вывод воплотился в ярком и самобытном образе английского купца-колонизатора, встречаемого Гончаровым во всех посещенных английских колониях Африки и Азии, который «становится символом международной торговли, промышленности, колониальной политики» [Там же. С. 31]. В образе английского колонизатора нет героизма, величественности, физической силы, но в нем есть энергия и деятельность: «<...> И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демон-

ского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду: я видел его в Англии – на улице, за прилавком магазина, в законодательной палате, на бирже. <...> тот же образ; холодным и строгим взглядом следил он, как толпы смуглых жителей юга добывали, обливаясь потом, драгоценный сок своей почвы, как катили бочки к берегу и усылали вдаль, получая за это от повелителей право есть хлеб своей земли. <...> Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чаю, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками,двигающего необъятными естественными силами природы <...> Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!» [13. Т. 1. С. 15–16]. Создавая образ английского колонизатора, Гончаров отмечает, что ему присущи предприимчивость, энергичность, но одновременно гордость, чопорность, прерительно-повелительное отношение к туземному населению, склонность к чрезмерному потреблению алкоголя.

В своем письме к А.С. Норову от 20 сентября / 2 октября 1853 г. Гончаров описывает азиатские колонии Британии следующим образом: «Сингапур и Гонконг <...> – два новые и живые создания силы воли и энергии англичан. Везде памятники невероятных усилий, гигантских работ, везде цивилизация, торговля и комфорт, особенно торговля. <...> в Сингапуре 40 тыс. китайцев и 20 тыс. индийцев и малайцев говорят по-английски, торгуют английским товарами, покупают и продают на английскую монету. <...> и над всем этим носится холодное, покойное и разумное могущество английского духа. Англичан всего четыреста человек там, но они господа, а 60 тыс. их покорнейшие слуги, в ожидании чести сделаться братьями по Христу и по человечеству» [11. С. 682]. Здесь проявилось гончаровское осознание вершины колониального могущества Англии над подчиненными ей туземными народами Азии и Африки. Англичане используют разные способы колонизации туземцев: торговля, религиозное просвещение, покорение силой оружия, приобщение аборигенов к роскоши и комфорту. При этом английские колонизаторы, имея два главных инструмента – религию и материальные ценности, стремятся покорить туземцев, переделав их по своему образу и подобию. Тем не менее Гончаров отмечает и огромный вклад англичан в создание и развитие собственных колоний: они приносят сюда свою волю, энергию, деятельность, цивилизацию, комфорт и, конечно же, торговлю.

Отношение английских купцов-колонизаторов к туземному населению видится Гончарову двояко. С одной стороны, английские колонисты приобщают их к труду, опрятности, религии, культуре, но, с другой – поставляют им оружие и алкоголь, что приводит к междоусобным войнам и пьянству туземцев. В английских колониях Гончаров с горечью наблюдает высокомерное и повелительное отношение колонизаторов к туземцам: «Вообще обращение англичан с

китайцами, да и с другими, особенно подвластными им народами, не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот, который они, пожалуй, не бьют, даже холят, то есть хорошо кормят, исправно и щедро платят им, но не скрывают презрения к ним» [13. Т. 2. С. 430].

Таким образом, будучи приверженцем прогресса, автор отмечает появление многочисленных благ цивилизации в английских колониях, мостов, дорог, городов. Тем не менее Гончаров-гуманист не может не осуждать эксплуатацию англичанами местного населения, продажу китайцам опиума ради наживы и других антигуманных проявлений английского колониализма.

Показателен в произведении образ английского миссионера. Английские священники ради собственной выгоды пренебрегают христианскими нормами морали и нравственности и подстрекают туземцев к войнам: «<...> в Кафрарии <...> миссионеры <...> действовали не совсем добросовестно; они возбуждали и кафров, и готтентотов к восстанию, имея в виду образовать из них один народ и обеспечить над ним свое господство» [Там же. Т. 1. С. 164]. При этом Гончаров отмечает, что английские миссионеры не спешат обращать в христианскую веру туземцев, выступающих «их покорнейшими слугами, в ожидании чести сделаться братьями по Христу и по человечеству» [11. С. 682].

На этом фоне закономерно, что важную роль в конструировании образа Англии играет также образ моряка. Британских моряков в гончаровском изображении отличают профессионализм и непритязательность в быту. В то же время, рисуя образ английского моряка и противопоставляя его знаменитым мореплавателям эпохи Великих географических открытий, Гончаров отказывает ему в величественности, масштабности, наделяя приземленностью, обыденностью, подчеркивая свойственные ему пороки и недостатки: «Не величавый образ Колумба и Васко де Гама гадательно смотрит с палубы вдаль, в неизвестное будущее: английский лоцман, в синей куртке, в кожаных панталонах, с красным лицом <...>» [13. Т. 1. С. 12]. В представлении автора, английский мореплаватель уродлив как внешне, так и внутренне. При его изображении автор также обращается к зоологическим сравнениям, уподобляя моряков буйволам: «<...> пришло с улицы несколько английских шкиперов: что за широкоплечест! что за приземистость! ноги, вогнутые внутрь или дугой наружу. Они <...> как толпа буйволов, прошли по галерее <...> вместо лица круг красного мяса, с каймой рыжих, жестких волос, да огромные, жесткие, почти неразжимающиеся кулаки <...>» [Там же. Т. 2. С. 532–533].

Именно морская тематика актуализирует во «Фрегате “Паллада”» английский Логос, который присутствует в произведении, в основном, как английский язык, употребленный в прямой речи англичан.

Приведенная Гончаровым строка из английского государственного гимна «Rule, Britannia, upon the

sea», которую напевает купец-колонизатор, подтверждает авторское отношение к статусу Англии как морской державы, «владычицы морей».

Также английский Логос используется при описании корабельного обихода. При авральном режиме, когда одной вахты мало и нужны все матросы, команда по-английски звучит: «all hands up» (все руки наверх) (для сравнения: на русском языке эта команда звучит как «пошел все наверх»). В английском варианте наблюдается обращение к неодушевленному предмету (рука), в русском – к человеку (все / люди). Кстати сказать, по мнению Г.Д. Гачева, концепт руки как части тела человека занимает важное место в английской ментальности: в английском Космосе пара и тумана англичанин познает мир не глазами, поскольку видимость в тумане обманчива, а руками, наощупь. Соответственно, в данном Космосе «не верный глаз, но верная рука – основа и опора мысли и суждения» [14. С. 175].

Так английский Логос, как правило, подтверждает основные аспекты английского Психо. Морская терминология и строка из гимна о властвовании над морями – гончаровское восприятие Англии-метрополии, признание ее главенствующей морской державой.

Еще один пример: свойственная английскому Психо рациональность, ориентированность на выгодное и прикладное применение вещей, знаний и т.д., выражаются в эпизоде, когда мальчишка-продавец сувениров говорит о русских монетах «No use, no use!» (букв. «бесполезный, без применения»).

Таким образом, образ Англии во «Фрегате “Паллада”» – это целостная система, состоящая из многих элементов; при этом внимание Гончарова привлекают даже самые незначительные, на первый взгляд, детали, благодаря чему формируется целостное гончаровское представление об английском мире. В Космосе Англии центральное место занимает море, окружающее остров со всех сторон, соответственно, сильно водное начало и преобладают сырость, влага, туман. В английской природе полностью утрачена естественность, превалирует искусственное начало. Англия середины XIX в. – промышленно развитая страна, метрополия, имеющая множество колоний. В английском Психо Гончаров высвечивает мощное зоологическое, технократическое и капиталистическое начало, демонстрируя собственное отношение к английской жизни, сводя эту жизнь к торговле. Гончарову-гуманисту не хватает в англичанах гуманистического начала, душевной и человеческой теплоты. Английский Логос в его изображении подтверждает доминирование в английской ментальности ценностей метрополии.

Таким образом, в статье специально исследован образ Англии в понимании Гончарова как образованного путешественника, представителя русской интеллигенции XIX в., что, безусловно, вносит свой специальный вклад в проблематику русско-английской межкультурной коммуникации и процесс построения диалога культур России и Англии; поэтому данная тематика «Фрегата “Паллада”» актуальна и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пиксанов Н.К. Гончаров и колониализм // Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 23–53.
2. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб. : Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
3. Недзвецкий В.А. «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. : Наука, 1993. Т. 52, № 2. С. 43–55. URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/izvan/i52-043-.htm> (дата обращения: 12.05.2017).
4. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // НЛО. 2000. № 46. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html> (дата обращения: 12.05.2017).
5. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с.
6. Фуко М. Пространство, знание и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Практик-сис, 2006. Ч. 3. 320 с.
7. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
8. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. 392 с.
9. Башляр Гастон. Избранное: поэтика пространства. М. : РОССПЭН, 2004. 376 с.
10. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Прогресс-Культура, 1995. 480 с.
11. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. 881 с.
12. Said E. Power, politics and culture: interviews with Edward W. Said, New York : Random House, Vintage Books, 2002. 485 p.
13. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем. СПб. : Наука, 1997.
14. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм ; Эсмо, 2008. 544 с.
15. Lim S.S., Clark R.D. Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East // The Slavic and East European Journal. Vol. 53, № 1. Spring 2009. P. 19–39.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 августа 2017 г.

COSMO-PSYCHO-LOGOS OF ENGLAND IN I. GONCHAROV'S BOOK *THE FRIGATE PALLADA*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 9–16.

DOI: 10.17223/15617793/422/2

Svetlana A. Kurilo, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: coureelosvetlana@gmail.com

Keywords: I. Goncharov; *The Frigate Pallada*; G. Gachev; image of England; Cosmo-Psycho-Logos; imagology.

The relevance of the article is determined by the current problems of the Russian-English intercultural communication and dialogue of those cultures. I.A. Goncharov significantly contributed to that process by his book *The Frigate Pallada*. He created a comprehensive and multidimensional image of England. The subjective, original and at the same time multi-component image of England is presented in I. Goncharov's book. The dimensionality and completeness of I. Goncharov's image of England determined the use of G. Gachev's threefold term Cosmo-Psycho-Logos as a methodology of this study. Consequently, the comprehensive image of England in I. Goncharov's book *The Frigate Pallada* has been considered for the first time. It has been studied from the point of view of imagology conception developed by a famous cultural specialist G. Gachev, who considers national images by means of the threefold term Cosmo-Psycho-Logos, and the literary modelling of geographical space images. It is demonstrated that England is represented by a special system of images which complement each other and form a complete picture. This system embodies Goncharov's comprehensive conception of the English world. Undoubtedly, the author-and-traveller's journey to a new geographical and cultural space results in a need to model his own fictive and subjective image of that space and present it to the reader. Consequently, real geographical space transforms the most in a literary writing according to the author's subjective conception of it. As previously noted, G. Gachev proposes to perceive unknown geographical space by means of a significant and substantial, in the author's opinion, term Cosmo-Psycho-Logos. This concept is a triple unity for each nation of Cosmo, which is the body or local nature, Psycho, or the people's soul and national character, and Logos, or national spirit, language and logic. It is a cumulative analysis of geographic and climatic conditions of local nature, psychology and national character of the people living here, their language and way of thinking that allows an author of a literary journey to present a coherent and harmonious image of a foreign country. A writer spiritually immerses in a foreign national mindset and existence apart from the physical movement in an unfamiliar space. Therefore, the English Cosmo-Psycho-Logos in Goncharov's perception has been analysed in the article. The sea occupies a central position in the English Cosmos, it surrounds the island from all sides. So, the aquatic origin is quite intense, and dampness, moisture and fog dominate here. English nature completely lost naturalness, the artificial origin prevails in it. England in the middle of the 19th century is an industrialized country having a large number of colonies. In general, Goncharov highlights the powerful zoological, technocratic and capitalist origin displaying his own attitude to the English life, which is virtually equal to trade. Being a humanist, Goncharov does not observe humanism, spiritual and sincere warmth in the English nation. The English Logos confirms that metropolitan values dominate in the English mentality in Goncharov's perception.

REFERENCES

1. Piksano, N.K. (1963) Goncharov i kolonializm [Goncharov and colonialism]. In: Beysov, P.S. & Valkin, M.Kh. (eds) *Materialy yubileynoy goncharovskoy konferentsii* [Materials of the anniversary Goncharov conference]. Ulyanovsk.
2. Krasnoshechkova, E.A. (1997) *I.A. Goncharov: Mir tvorchesva* [I.A. Goncharov: The world of creativity]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
3. Nedzvetskiy, V.A. (1993) "Fregat "Pallada"" I.A. Goncharova: zagadka zhanra [The Frigate Pallada by I.A. Goncharov: the riddle of the genre]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 52:2. pp. 43–55. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/izvan/i52-043-.htm>. (Accessed: 12.05.2017).
4. Zamyatin, D.N. (2000) Fenomenologiya geograficheskikh obrazov [Phenomenology of geographical images]. *NLO*. 46. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html>. (Accessed: 12.05.2017).
5. Milyugina, E.G. & Stroganov, M.V. (2013) *Russkaya kul'tura v zerkale putesthestviy* [Russian culture in the mirror of travel]. Tver: Tver State University.
6. Foucault, M. (2006) Prostranstvo, znanie i vlast' [Space, knowledge and power]. In: Bol'shakov, V.P. (ed.) *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'y* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French by B.M. Skuratov. Pt. 3. Moscow: Praktis.

7. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian literature: Selected works]. St. Petersburg: Isskusstvo-SPb.
8. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
9. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: poetika prostranstva* [Selected works: the poetics of space]. Translated from French by N.V.Kislova, G.V.Volkova, M.Yu.Mikheev. Moscow: ROSSPEN.
10. Gachev, G.D. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psicho-Logos* [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow: Progress-Kul'tura.
11. Goncharov, I.A. (1986) *Fregat "Pallada"* [The Frigate Pallada]. Leningrad: Nauka.
12. Said, E. (2002) *Power, politics and culture: interviews with Edward W. Said*. New York: Random House, Vintage Books.
13. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Nauka.
14. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world]. Moscow: Algoritm; Eskmo.
15. Lim, S.S. & Clark, R.D. (2009) Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East. *The Slavic and East European Journal*. 53:1. pp. 19–39.

Received: 18 August 2017